

ПОЭЗИЯ НИКОЛАЯ РУБЦОВА

Николай Рубцов в представлении читателю не нуждается. Несколько вышедших еще при жизни поэта сборников («Лирика» — 1965, «Звезда полей» — 1967, «Душа хранит» — 1969, «Сосен шум» — 1970) сделали его творчество широко известным. Книга стихов «Зеленые цветы» (1971), которая увидела свет уже после смерти автора, закрепила положение его имени «в поэтической рубрике». Правда, читательское признание пока еще опережало официальное. В шестом — на букву «Р» — томе «Краткой литературной энциклопедии» (1971) статья о Рубцове могла бы появиться, но не появилась. Впоследствии это неоднократно вызывало недоумение: почему авторитетное справочное издание обошло вниманием столь заметную поэтическую индивидуальность? Между тем ничего удивительного здесь нет. В создании и проверке писательских репутаций огромную роль играет фактор времени. Для того чтобы Рубцов стал Рубцовым, тоже понадобилось время. К счастью, не столь долгое, как некоторым другим поэтам. В общественном сознании отношение к творчеству Рубцова окончательно определилось уже в середине 70-х годов. Два сборника, подготовленные к печати друзьями поэта («Последний пароход» — 1973 и «Подорожники» — 1976), расширили и углубили представление о характере его дарования. В 1976 вышла первая книга о нем, написанная В. Кожинным, — человеком, роль которого в популяризации рубцовского наследия трудно переоценить. Два года спустя статья В. Кожина о поэте появилась в девятом (дополнительном) томе «Краткой литературной энциклопедии». По понятиям того времени это означало, что Рубцов вошел в обойму общепризнанных художников слова.

Число поклонников его таланта росло год от года. И сегодня, когда снижение интереса к поэзии стало печаль-

ным фактом литературного процесса, количество изданий, тиражи книг Рубцова и читательский спрос на них являются одним из немногих примеров противостояния этой тенденции.

Конечно, не всем близка муза поэта. В критической литературе высказывались суждения о том, что художественное качество его стихов не всегда высоко, что есть среди них наивные и надуманные, что публикация всех текстов подряд, без строгого отбора, — не лучшая услуга автору и что это вообще не поэзия, а виршеплетство. С некоторыми из подобных суждений можно согласиться (действительно, не все написанное Рубцовым имеет одинаковую ценность). Другие явно относятся к разряду полемических перехлестов. Но как бы то ни было верным по сей день остается сказанное критиком А. Павловским еще в 1986 году: поэзия Рубцова с самого своего появления перед читателем «почти не вызывала шумных разноречивых споров или, за малыми исключениями, заметных разногласий в оценках». А уничижительные характеристики были и остаются скорее эксцессами, нежели реальными показателями отношения читающей публики к поэту.

Парадоксальность ситуации заключается в том, что гораздо большую опасность для восприятия Рубцова как национального поэта представляют не резкие высказывания противников, а безоглядные и неумеренные славословия «неистовых ревнителей». Когда его стихам придается откровенно публицистическая, лозунговая окраска, когда их используют как орудие в борьбе литературных группировок, они утрачивают именно те качества, за которые больше всего ценятся. Главная суть рубцовой поэзии органично выражается в «задушевности» и «неброскости». «Усиление звука» пагубно сказывается на ее интонационном строе, неразрывно связанном с содержанием.

Гражданский пафос, время от времени прорывающийся в стихах Рубцова, имеет не столько ораторскую, сколько интимно-лирическую окраску. Склонность к произнесению публичных речей отчетливого проявления в них не находит. Это характерная особенность творческого дара поэта. Его

лирический герой предпочитает общаться с собеседником один на один, кем бы этот собеседник ни был: иной ипостасью самого лирического героя, другом, любимой женщиной, случайно встреченным на дорогах странствий человеком, олицетворенной природой, родной деревней, Россией. Только при таком условии для Рубцова возможна предельная искренность, откровенность, которая не терпит повышенных тонов, лукавства в мыслях и перебора в чувствах, целенаправленного воздействия, давления на внутренний мир того, к кому обращена речь. Поэту чужда ораторская установка на убеждение слушателей, на внедрение в их сознание своей «манеры понимать вещи». Его стихи в полном соответствии с художественной природой лирики построены как речь от первого лица. Но многие из них производят впечатление, будто человек, эту речь произносящий, занят не говорением, а слушанием, будто он сосредоточенно внемлет шуму природных стихий, голосам собеседников, отзвукам прошлого, состояниям своей души.

Хотя определение «тихая лирика» не всем нравится и, может быть, действительно не очень удачно как термин, применение его в 70-е годы к поэзии Рубцова было оправданным. Эффект новизны она производила именно по контрасту со стихами, рассчитанными на открытое пафосное звучание, обращенными если не ко всему человечеству, то, по крайней мере, к «людям доброй воли», к народу, к поколению, к «товарищам потомкам». Сам Рубцов право таких стихов на существование признавал, но свой поэтический выбор связывал с традицией «негромких есенинских песен». Он был убежден в том, что

сила строчек поэтических
Совсем не в громкости стиха!
(«Явлений, дел, событий грома...»)

Сдержанность в проявлении эмоций — примечательная черта творческой манеры Рубцова. Она дает критикам по-

вод говорить о мужественности его поэзии. И она же увеличивает лирическую энергию произведения. Переживания, не выплеснутые без остатка в словах,— дающие о себе знать опосредованно, через удачно найденный образ, в подтексте,— обретают большую зрелость, глубину и значимость, сильнее трогают читателя, будят воображение, тревожат и просветляют душу. Это один из важнейших творческих принципов Рубцова, который отнюдь не исключает эмоциональной насыщенности поэзии:

Пусть будет стих простым и звучным,
И чувство пусть клокочет в нем!
(«Явлений, дел, событий гряда...»)

«Половодье чувств» у него столь же необходимое свойство лирики, как и у Есенина. И так же, как и Есенин, Рубцов ассоциирует лирическую поэзию с пением. Звучность его стихов — песенная по своей природе. Она обусловлена не силой звука, а мелодикой поэтической речи. Шум и крик нарушают то состояние душевной тишины, которое необходимо для исполнения лирической песни, для создания лирического стихотворения. И поэтому

Пусть не шумят,
А пусть поют поэты
Во все свои земные голоса!
(«О чем шумят друзья мои поэты...»)

То, что лирика Рубцова «тихая», может быть истолковано и как ее национальная особенность. «Они по-русски тихи»,— пишет Э. Куклина о его стихах. Речь, конечно, не о том, что вся русская поэзия такая. У самого Рубцова есть отдельные строки и целые стихотворения, этому определению не соответствующие. Здесь имеется в виду другое: «тихость» как важная нравственно-эстетическая черта национального идеала, познание и формирование которого со-

ставляет главную суть существования литературы. Русские писатели и мыслители очень хорошо это чувствовали и к тихим героям, состояниям, образам питали особую склонность. У Н. Некрасова есть поэма «Тишина», у И. Тургенева — повесть «Затишье», у С. Булгакова — книга «Тихие думы». Независимо от того, религиозно или светски ориентированным является мировоззрение писателя, образ тишины в русской литературе неизменно хранит «память» о смысле, приданном ему Священным Писанием (3-я книга Царств, гл. 19, ст. 11—12). Художественно интерпретируя откровение пророка Илии, поэт пушкинской поры Ф. Глинка писал о тщетности поисков Бога в грозных явлениях природы и в «мятежах земных»: человек приобщается к высшему началу в состоянии покоя, которое наступает после бури.

На тайный зов душа летит
И дышит жизнью неземною...
Все стало сладкой тишиною.
И я вдали, как в дивном сне,
Услышал Бога в тишине!
(«Искание Бога»)

Связь мотива духовного просветления с образом тишины отчетливо просматривается и у Рубцова. Вряд ли можно уверенно рассуждать о близости поэта к Богу, как это делается в посвященной ему статье библиографического словаря «Русские писатели. XX век» (ни факты его жизни, ни стихи достаточных оснований к тому не дают). Но в традицию трактовки образа тишины русской литературой Рубцов вписывается. Традиции этой у него соответствуют и «церковь под грозой, молчащая набожно и свято», и успокоенье, нисходящее на душу «с высоких, после гроз, немеркнувших небес», и грусть, которая светлеет, когда «шум и пыльные хвосты — все улеглось», и ночь на родине, когда «тихо так, как будто никогда природа здесь не знала потрясений».

Образ «тихой родины», столь тесно слитый в сознании читателя с представлением о Рубцове, о его системе ценностей, также приобщает поэта к национальным традициям. «Тихая родина» — это прежде всего зрительно воспринимаемый «вид смиренный» («березы, избы по буграм»), то есть та самая «красота смиренная», которую некогда усмотрел Тютчев в «бедных селеньях» и «скудной природе» России. За внешним обликом кроется то, что доступно лишь взору духовному, что «сквозит и тайно светит» в доступных глазу чертах и что не поддается прямому усмотрению и описанию. Для Тютчева глубинный смысл русской жизни представляет собой некую мистическую сущность, которой он придал облик Царя Небесного, странствующего «в рабском виде» по просторам родной земли. У Рубцова духовный план красоты, явленной чувственному восприятию, истолкован несколько иначе. В отличие от тютчевского образа ему придана сильная личностная окраска. Если попытаться найти нечто подобное в русской культуре, то «тихой родине» Рубцова в наибольшей мере соответствуют суждения С. Булгакова: «Родина есть священная тайна каждого человека, так же как и его рождение». По Булгакову, в родине каждому дан изначальный образ его существования, его «тварная индивидуальность», которая наряду с божественным началом в человеке определяет основу человеческого Я. Поэтому познание себя, своего предназначения на земле — это прежде всего постижение родины через любовь к ней. Написанное Булгаковым в 1930-е годы воспринимается порой как вариация в прозе на темы стихов, созданных Рубцовым несколько десятилетий спустя: «То, что я любил и чтил больше всего в жизни своей — некричащую, благородную скромность и правду, высшую красоту и благородство целомудрия, — все это мне было дано в восприятии родины. И ей свойственна также такая *тихость* и *ласковость*, как матери. Она задушевна, как русская песня, и, как она, исполнена поэзии музыки. Только ее надо слышать самому, внутренним слухом, потому что она не насилует и не потрясает, не гремит и не

кричит, но тихим шепотом нашептывает свои небесные сны».

Ощущением родины как неотъемлемой и лучшей части авторского Я пронизана вся поэзия Рубцова. Как и для Булгакова, родина для него ассоциируется прежде всего с формированием внутреннего мира личности. Родина — это те условия, в которых происходит духовное становление человека. Это явления окружающего мира, наделенные в силу неповторимо конкретных обстоятельств человеческой жизни первичными духовными значениями. Через них и только через них постигается смысл бытия. Поэтому духовная родина по Рубцову — это родина малая. Один из умудренных опытом лирических персонажей у него в ответ на извечный вопрос «Что делать?» (или, что по сути то же самое, «Как жить?») говорит:

А ты ...полюби и жалея
И помни хотя бы родную окрестность,
Вот этот десяток холмов и полей...
(«Жар-птица»)

С любви к тому, что близко, что находится рядом, с любви, которая в соответствии с традиционными понятиями русского крестьянства наиболее полно проявляется в «жалости», в сочувствии, в заботе, которая по мере взросления человека становится «памятью сердца», — с нее начинается любовь к народу, к большой родине, к стране, к России, к Руси. Но в стихах, написанных Рубцовым, большая родина не есть нечто отвлеченное от «родной окрестности». Образы, созданные на основе непосредственных впечатлений, чувственно конкретные и даже отмеченные яркой печатью местного севернорусского колорита, наделенные точными топографическими приметами, получают у него общенациональную значимость, становятся образами не только родного края, но и России в целом. Сквозь их плоть просвечивают контуры грандиозного целого, которое, в соответствии с

устоявшимися представлениями, доступно абстрактному мышлению, но не может быть увидено воочию, как нечто существующее в реальном пространстве и времени. В художественном мире, созданном Рубцовым, эти представления теряют силу. Большая родина, Русь, русский народ, национальная история — все это дано его лирическому герою в зримых и осязаемых чертах облика родины малой. Переход от малого к большому осуществляется не путем абстрагирования от явлений, непосредственно воспринимаемых органами чувств, а по мере углубления, вчувствования в суть этих явлений. Вопреки расхожей формуле, большое в поэзии Рубцова видится не на расстоянии, а при максимальном приближении. У его лирического героя и любовь к родному краю сильнее проявляется не в странствиях, вдали от милых сердцу мест, а в минуты физически ощутимого слияния с ними, когда под ноги ложится «дороженька до Устьяга через город Тотьму и леса», когда на светлых вырубках грибов не счесть, когда видны непогашенные огни именно вот этой деревни, когда навевает сладкий сон «ромашковый запах ночлега».

Выявление сути большого через слияние с малым — важная черта образного мышления Рубцова. Этой особенностью определяется художественная логика, по которой дорога, идущая с моста в гору, приводит в былую Русь, сосен шум в Липином Бору доносит голос веков, снег, который падает на храм Софии в Вологде, в то же время «летит по всей России», а «над полем, при звездном салюте» становится виднее, на чем великая Русь поднималась. И право сказать «Привет, Россия, родина моя!» лирический герой обретает благодаря этой особенности мировосприятия. Она же побуждает видеть в шутиливом стихотворении-экспромте вариацию на одну из вечных поэтических тем — на тему «Памятника»:

Я уплыву на пароходе,
Потом поеду на подводе,
Потом еще на чем-то вроде,

Потом верхом, потом пешком
Пройду по волоку с мешком —
И буду жить в своем народе!
(«Экспромт»)

Разговор о творчестве Рубцова не может обойтись без упоминания о том, что оно тесно связано с Вологодским краем. Село Емецк, где он появился на свет, по административному делению относится к Архангельской области. Но родители Рубцова — вологодцы. Почти вся жизнь поэта тоже прошла на Вологодчине. Здесь его духовная родина, здесь пробудилась к «впечатленьям бытия» его душа, здесь обрела дар речи его муза. В одном из писем Рубцов признавался: «Вологда — земля для меня священная, и на ней с особой силой чувствую я себя и живым, и смертным».

В рубцовских стихах «вологодские приметы» настолько явственно обозначены и настолько художественно необходимы, что без этих примет его поэзию трудно себе представить. Рубцов наделил Вологодский край яркими образными ассоциациями, которые придают окружающим местным жителям явлениям поэтическую ценность. Написанные им стихи накладывают заметный отпечаток на то, как его земляки воспринимают родную природу, памятники исторического прошлого, людей, события повседневной жизни. На Вологодчине поэзию Рубцова знают, ценят и любят люди всех возрастов, профессий и социальных слоев. Его произведения изучают в школе, на его стихи сочиняют и поют песни, у памятника ему на берегу реки проходят осенние поэтические праздники. Деревня Никола в Тотемском районе, где поэт провел свое детство, давно стала одной из культурных достопримечательностей. Можно сказать, что «рубцовский элемент» является неотъемлемой частью представления вологжан о самих себе и о своем крае.

Но литературной величиной регионального масштаба Рубцов не является. Еще в 1977 году его стихи дали повод Е. Евтушенко утверждать:

В неделимости русского слова
Нет поэзии «областной».
(«Над могилой Рубцова»)

Мысль, выраженная в этих строках, проста и бесспорна, хотя действительное положение вещей не всегда ей соответствует. «Областной» поэзии не должно быть уже хотя бы потому, что критерии художественной оценки едины на всем пространстве национальной культуры и их действие не ограничивается административно-территориальными пределами. Если поэт настоящий, каким и был, по убеждению Е. Евтушенко, Рубцов, то он поэт везде, а не только по месту жительства. И в то же время понятие «вологодский поэт», примененное по отношению к Рубцову, не получает обидного «областного» смысла. Скорее наоборот. Это парадокс, но парадокс объяснимый.

В 1970 году критик В. Сурганов ввел в литературный обиход термин «вологодская школа». Отличительными признаками этой школы он назвал озабоченность ее представителей современным состоянием русской деревни; глубокий интерес к ее историческим судьбам; утверждение непреходящей ценности нравственных идеалов, связанных с трудом на земле; убежденность в том, что русский национальный характер укоренен в крестьянской жизни; доскональное знание крестьянского быта; верность традициям классической литературы; широкое использование живого народного языка в писательском творчестве. Школу В. Сурганов назвал «вологодской», потому что перечисленные им признаки наиболее отчетливо проявились в произведениях прозаиков и поэтов Вологодчины. И еще потому, что именно на Русском Севере лучше чем где-либо «сохранился исконно деревенский уклад русской жизни и порождаемые им характеры». Но критик сделал и очень существенную оговорку: исходя из особенностей содержания и художественной манеры, писателями «вологодской школы» можно назвать не только А. Яшина или В. Белова, но и курянина Е. Носова, и «певца владимирских

проселков» В. Солоухина, и сибиряка В. Шукшина, и многих других художников слова, «территориально» не имеющих к Вологодскому краю отношения. В соответствии с ходом мысли В. Сурганова «вологодская школа» — это прежде всего характерное для русской традиционной культуры видение мира, восприятие жизни, представление об идеале. Ее нельзя отождествлять с той ветвью литературы, которая в критике получила наименование «деревенской». Хотя писатели «вологодской школы» обращаются к изображению сельской жизни постоянно, их главный интерес связан с духовными проблемами общенациональной значимости. Социально-психологический облик крестьянина привлекает их внимание главным образом в связи с этими проблемами. Поэтому и Рубцов, много писавший о деревне, не «деревенщик».

Тогда, в 1970, последнем году жизни Рубцова, его известность еще не была общероссийской, и в ряду представителей «вологодской школы» В. Сурганов поэта не упомянул. Но признаки, отмеченные критиком, в созданных им стихах проявляются отчетливо. С точки зрения современного литературного сознания, Рубцов — один из наиболее ярких художников этой «школы» и едва ли не самый значительный выразитель русского национального самосознания в поэзии второй половины XX века. Когда многочисленные почитатели рубцовой музыки со всех концов страны едут на Вологодчину, помимо желания ощутить непосредственную связь между образами произведений поэта-воложданина и живыми впечатлениями, эти образы породившими, ими движет еще что-то. Они едут не только на «тихую родину» Рубцова, они едут и в Россию Рубцова. Село Никола, речка Толшма, уже упоминавшаяся «дороженька до Устюга через город Тотьму и леса», «печальная Вологда» — это теперь, благодаря поэту, не только места Вологодчины, воспетые им, но и образы России. И, в частности, России той, имя которой — национальный идеал. Может быть, идеал, никогда не воплощавшийся в реальность. Может быть, воплощавшийся, но

только лишь отдельными чертами. Может быть, утраченный. Может быть, заключающий в себе предчувствие будущего. Может быть, существующий и сейчас, но в неявном, скрытом виде. Как бы то ни было, национальная культура без идеала развиваться не может. А рубеж XX—XXI веков, как известно, время для идеалов неблагоприятное. Вот и едут к Рубцову, в творчестве которого есть и память об идеале, и чувство жизненной необходимости идеала, и связь представлений об идеале с реальными явлениями действительности.

Вопрос о характере рубцовского идеала тесно связан с проблемой истоков его творчества: кто он — «поэт от земли» или «поэт от культуры»? Вопрос этот решается по-разному, в зависимости от идеологических, политических, нравственных, литературных позиций критиков. К сожалению, бывает и так, что стихи Рубцова становятся средством в борьбе во имя целей, не имеющих к нему и его произведениям прямого отношения. Между тем ориентиры, необходимые для суждений о нем, установил сам Рубцов. У него, как и у большинства поэтов, есть так называемые «программные стихи», в которых с предельной отчетливостью выражены его творческие позиции и определены законы существования его художественного мира. Это не обязательно рифмованные манифесты — декларативные по интонации, логически выстроенные, афористически заостренные. Попытки Рубцова писать в подобной манере обычно расцениваются как не очень удачные. Специфике его поэтического таланта в наибольшей мере соответствует «высокое косноязычье» образного мышления, которое действует по принципам, отличным от принципов мышления логического. И самые значительные «программные стихи» у него — это не свод тезисов по вопросам поэтического творчества, а концентрация мотивов, наиболее существенных для самоопределения поэта.

Одно из таких произведений — стихотворение с «установочным» названием «Поэзия» (1969). На соотношении названия и текста основан главный художественный эффект стихотворения, имеющий в контексте творчества Рубцова

программный смысл. Если попытаться до чтения текста определить его тему по названию, то, в соответствии с существующей в русской литературе традицией, это должна быть тема поэта и поэзии. Если отвлечься от названия и исходить в определении темы только из содержания текста, то результат будет иным: данное стихотворение — о родине. Тематические векторы названия и текста — различны. Идея произведения формируется на их пересечении, в художественном пространстве между названием и текстом.

В этом стихотворении Рубцов с наибольшей силой выразил предельно важное для его творческого самосознания представление о неразделимости понятий «родина» и «поэзия». Их слияние становится возможным потому, что оба они у Рубцова соотносятся с главным в принятой им системе ценностей понятием «духовная родина». В свою очередь, этим понятием определяется направление разработки ведущей темы его творчества, которую, перефразируя название одного из рассказов Л. Толстого — «Чем люди живы», можно сформулировать так: «Чем человек держится». Перефразировка здесь необходима, поскольку, во-первых, мировоззрение Рубцова-поэта откровенно персоналистично, на первом плане у него всегда личность, осознающая себя через свое отношение к окружающему миру. И если у Толстого объект первоочередного внимания «люди», то у Рубцова — «человек». Не сближают Рубцова с Толстым и знаменитые строки «Русского огонька», которые, казалось бы, полностью соответствуют идее рассказа «Чем люди живы»:

За все добро расплатимся добром,
За всю любовь расплатимся любовью...

Стихотворение «Русский огонек» при ближайшем рассмотрении оказывается прозвением не столько о любви к ближнему, сколько о «сиротском смысле семейных фотографий» и о тех, «кто в поле бездорожном от всех друзей отча-

янно далек». Отделенность лирического героя («человека») от «людей» приводит к усилению звучания в его поэзии мотивов одиночества, расставания, утраты, непонимания, а иногда даже и вражды. Впрочем, и лирические персонажи у него тоже нередко люди бесконечно одинокие. Такова хозяйка в «Русском огоньке», старик из стихотворения «На ночлеге», оглушенный горем человек в «Утре утраты», путник в стихотворении «Неизвестный», девочка-малютка, которая не поет, а плачет в первом из «Осенних этюдов». Лирический герой понимает, что оживить их души, «опаленные огнем и враждой», уже вряд ли удастся. Самое большее, что он может сделать по отношению к каждому из них, — это не бередить болящих душ, посочувствовать и уйти, пройти мимо, выразить туманную и слабую надежду на благой смысл всего сущего:

Но в наши годы плакать невозможно,
И каждый раз, себя преодолевая,
Мы говорим: «Все будет хорошо».
(«Осенние этюды», I)

И какое может быть крушение,
Если столько в поезде народу?
(«Поезд»)

Мировосприятие, воплощенное в лирическом герое Рубцова, глубоко трагично. Он — «человек», несущий ношу бытия на пределе сил. Характер его существования точнее определяется не словом «жить», а словом «держаться»:

Мы сваливать не вправе
Вину свою па жизнь.
Кто едет, тот и правит,
Поехал, так держись!
(«Мы сваливать не вправе...»)

Когда Рубцов пишет: «Я люблю судьбу свою»,— это у него похоже на то, что древнеримские мыслители называли любовью к року (*amor fati*), иными словами, на готовность переносить удары судьбы и в подчинении ей находить смысл своего существования. Жизненные испытания, выпавшие на долю Рубцова (военное детство, сиротство, любовные драмы, неприютность, семейное неблагополучие), воплотились в переживаниях его лирического героя. Но это внешние и не самые значительные проявления той роковой силы, которая все сильнее давила на душу поэта по мере «движения к темному устью». Имя ей было найдено уже на раннем этапе творчества — «помрачения» («Я устал от зимних помрачений штормовых отчаянных морей»). Однако реальную опасность, исходящую от нее, поэт в полной мере ощутил лишь в пору творческой зрелости, когда в нем до предела обострилась интуиция бытия и ему стало ясно, что угроза для человеческого существования таится не только в отношениях между людьми, в социальных катаклизмах, но и в мироустройстве, в самом факте пребывания человека в мире. «Помрачения» у Рубцова обретают иногда характер ребячьей боязни перед волками («Памятный случай»), иногда — таинственных шорохов на чердаке в непогоду («Зимняя ночь»), иногда — «всего ужаса ночи за окошком» («Наступление ночи»), иногда — открыто враждебного противостояния природы одинокому человеку («Осенние этюды»), иногда — пугающей встречи с существом, «неспособным к разговору», в пору суток, когда страх «таится в любой воде» и «в любом сарае сенокосном» («Вечернее происшествие»). Бывает, что угроза, исходящая от мира, воплощается в апокалиптических образах угасшего навсегда солнца («Наступление ночи») или потопа с выплывшими из размытых могил гробами («Седьмые сутки дождь не умолкает», «Я умру в крещенские морозы»). О ней напоминает, хотя сам того не осознает, ребенок, играющий на кладбище («Девочка играет»), она дает о себе знать, когда вскрывается подтекстный смысл такого, например,

образа, как полынья, связанного в фольклоре с мотивом смерти («Зимняя песня»).

Вместе с тем власть (темных) враждебных сил, разрушительно действующих на человека, в стихах Рубцова не беспредельна. Лирический герой стремится «бежать от помрачений», он ищет духовные опоры, которые удержали бы его от падения в бездну отчаяния и небытия. Такие опоры существуют, они помогают герою «держаться» и даже утверждать, что природа способна внушать человеку наряду с «ужасом допотопным» «поклонение себе» («Природа»), а мир устроен не только «грозно», но и «прекрасно» («Зеленые цветы»).

Защитной функцией в художественном мире Рубцова наделена поэзия. Разговоры о ней с друзьями спасают от «осенних помрачений» («Вечерние стихи»). Приобщаясь к ней, лирический герой обретает душевное равновесие и способность испытывать радость жизни в заброшенной избушке среди навевающего ужас ночного заснеженного леса:

Я не один во всей вселенной.
Со мною книги и гармонь,
И друг поэзии нетленной –
В печи березовый огонь...
(«Зимовье на хуторе»)

Поэзия у Рубцова — явление сложное и трудно определяемое. Ее происхождение таинственно. Она приходит к человеку извне, из глубин мироздания, как какая-то космическая сила. О появлении поэзии дает знать «незримых певчих пенье хоровое» («Привет, Россия...», «Наслаждаясь встречим резким...»). Ее нельзя ни призвать, ни остановить по своей воле, потому что «не от нас она зависит, а мы зависим от нее» («Стихи»). В чем-то поэзия близка природным стихиям. Поэтому сопричастность ей может оказаться не только благодатной, но и жизненно опасной для человека. Поэзия сдер-

живаает, эстетически преобразует лавинообразные потоки энергии бытия, но она же и приобщает к ним поэта. Поэтическое творчество — всегда балансирование «бездны мрачной на краю». Именно это имела в виду О. Фокина, когда писала о Рубцове:

Тем метелям и ветрам
Он роднее был, чем нам.
(«Он умел всего лишь это...»)

Если говорить о богатом воздействии этой непостижимой силы, то его Рубцов явственнее всего обнаруживает в работе творческого вдохновения, в стихах (как своих, так и других поэтов), в чувстве красоты, в особом состоянии души, которое порождено соприкосновением с идеалом. Последнее для понимания сущности поэзии наиболее важно.

Ведущий пафос лирики Рубцова можно определить как печаль по утраченному идеалу. Именно потому ее часто называют элегической. Образы утрат в ней многочисленны: это и «храм старины, удивительный, белоколонный», и зеленые цветы, и синенький платочек, и туман, покрывающий след разлуки. Сам идеал опрокинут в прошлое и связан с представлением о жизни без «помрачений» и без потерь. Упомянувшееся ранее стихотворение «Поэзия» — яркий пример тому. Оно построено как видение лирического героя, перед которым за окном вагона мелькают простые сельские картины, но внутреннему взору которого открываются черты зятанутого дымкой веков идеала. Идеал этот представлен образами зеркальной реки, поющей жницы, укромого чистого уголка. Все они могут быть интерпретированы и как реальные явления (исчезнувшие или подверженные угрозе исчезновения), и как метафоры переживаний лирического героя. С образом зеркальной реки связано характерное для Рубцова представление о красоте, покоящейся в вечности (помимо «Поэзии», оно воплотилось еще, например, в

стихотворении «*Душа хранит*»). Образ поющей на поле жницы является выражением полноты чувств. С точки зрения национальной традиции — это образ счастья, в котором воедино слиты мотивы радости труда на земле, безмятежности, достатка, семейного благополучия, бескрайности родного простора, пения, одухотворяющего этот простор. «Укромный чистый уголок» — образ мирного поэтического творчества, очевидная реминисценция из пушкинской «*Деревни*» («пустынный уголок, приют спокойствия, трудов и вдохновенья, где льется дней <...> невидимый поток на лоне счастья и забвенья»).

Реминисценциями — более или менее отчетливыми — пронизано все произведение. Данный художественный принцип, глубоко свойственный Рубцову, в стихотворении «*Поэзия*» нашел последовательное применение. Видение лирического героя вызвано «чувством древности земли», а чувство это появляется потому, что идеал жизни на земле увековечен поэзией и в поэзии он продолжает свое бесконечное существование, хотя в реальной действительности его уже нет. Благодаря «нетленной» поэзии, которая наделяет явления действительности качеством красоты, придает им духовную значимость, сохраняется память об их исторической связи с идеалом. «Серебряно-янтарный» бор шепчет имена Пушкина и Кольцова в четвертой строфе стихотворения не случайно. Будучи явлением немой природы, он получил способность говорить и вызывать поэтические ассоциации от художников слова. И поэт «от земли» Кольцов, и вершинное порождение культуры Пушкин — все это звенья одной цепи, в которой нет разрывов. Вот почему круг поэтов, упоминаемых Рубцовым в стихах и письмах, столь разнообразен и широк. В него, кроме Пушкина и Кольцова, входят Лермонтов, Тютчев, Некрасов, Майков, Фет, Блок, Есенин, Маяковский, Хлебников, Асеев, Кедрин, Яшин, Фокина, а из зарубежных авторов — Навои, Вийон, Верлен, Рембо, Бодлер. Перечислить всех трудно — хотя бы потому, что имя поэта не всегда называется. Явные и скрытые цитаты, образ-

ные переклички, устойчивые темы, мотивы, слова популярных песен — все это неотъемлемые черты художественного мира Рубцова.

Включаясь в цепь «сопричастников вечности», поэт приобщает к нетленным ценностям преображенный силой его творчества мир. В стихах Рубцова нет противопоставления «земли» и культуры. Если только эта земля — «родная», освещенная тихим светом идеала, идущим из глубины веков, а культура свое предназначение видит в духовном возделывании, в одухотворении родной земли. Для него и красоты «иных мест» милы сердцу только тогда, когда он находит в них сходство с «родной окрестностью»:

Еще бы церковь у реки,—

И было б все по-вологодски.

(«Сибирь, как будто не Сибирь!»)

Сквозной лирический сюжет поэзии Рубцова — это возвращение: в места, где твое «приветили рождение», в «родимое село», где можно укрыться от грозы, в «тот город зеленый», на «берег юности», на ночную родину, в «былую Русь», к «святости прежних лет», к «дочке Лене». И чаще всего возвращение окрашено в элегические тона, а порой в рассказе о нем начинают звучать трагические мотивы. Они связаны не только с пониманием того, что «былое не вернется». Лирическому герою Рубцова свойствен комплекс вины, который в классической русской литературе назывался «больной совестью». И опять-таки наиболее отчетливо это проявилось в стихотворении «Поэзия». Герой его противопоставлен покоящемуся в дымке веков идеалу как человек бегущий. Черты родины-поэзии постепенно тают в этой дымке, а он, подвластный зову гудков, шуму быстротекущей жизни, продолжает безостановочное движение по «железному пути», по «дороге прогресса». Герою «не по себе» от того взгляда, каким *она* «глядит на нас, покорная судьбе». А противостоять велениям времени и

Н. М. Рубцов

изменить что-либо в устройстве окружающего мира герой не может. Однако его душа жива памятью о том,

Как весь простор, небесный и земной,
Дышал в оконце счастьем и покоем,
И достославной веял стариной,
И ликовал под ливнями и зноем!...

(«Привет, Россия...»)

Да и поэзия Николая Рубцова, в сущности, о душе,

которая хранит
Всю красоту былых времен

и переживанием этой красоты наполняет каждого, кто наделен чуткостью к поэтическому слову.

С. Ю. БАРАНОВ